

АДРАДОС Фр. Р.

ИНДООЕВРОПЕЙСКИЙ, СЛАВЯНСКИЙ, БОЛГАРСКИЙ

(Типологические заметки)

Типологические исследования — сравнительно новая область в языкознании. Значительно более многочисленны исследования по исторической грамматике, чем по типологии как индоевропейского или общеславянского, так и отдельных славянских языков. Поэтому если ставится задача изучения этих языков с типологической точки зрения — даже если это краткий набросок, подобный предлагаемому ниже, — следует использовать материал, почерпнутый либо из исторических грамматик, либо из описаний конкретных языков.

Если идеи, которые я поддерживаю в ряде книг и статей (из последних упомяну прежде всего [1—4]), правильны, в истории индоевропейского, видимо, имела место моносиллабическая и нефлективная фаза, когда главную роль играли ударение и порядок слов; вслед за этим индоевропейским I, по всей вероятности, наступила фаза индоевропейского II, сравнительно хорошо представленная в анатолийском. Речь идет о флективном языке, в котором не выражена оппозиция «мужской род — женский род», отсутствуют глагольные наклонения, нет противопоставления основ в глагольном словоизменении, а выражение множественного числа в имени еще не полно. В индоевропейском III противопоставляются индийско-греческий тип (индоевропейский III-a), обладающий богатыми формами морфологии, и северный тип (III-b), к которому относится славянский. В рамках славянского различные языки и диалекты в отдельные периоды своего развития обнаруживали абсолютно разные лингвистические типы. Хотя славянский и балтийский близки в определенных отношениях, ясно, что первый обладает специфическими особенностями как в области фонетики (тенденция к снятию количественных оппозиций, формирование противопоставления светлых гласных темным и твердых согласных — мягким, открытые слоги), так и в области морфосинтаксиса (развитие категорий одушевленности и вида; характер глагольной системы в целом). Представляется также, что один из славянских языков, а именно болгарский, почти утративший флексию в имени и местоимении и сохранивший сложную систему глагольного словоизменения (простые основы и перифрастические формы), развился в направлении, близком к испанскому, итальянскому и французскому. Русский, напротив, пошел по другому пути. Разные ветви индоевропейского достигали иногда типологических состояний, [весьма сходных или сходных частично. Так, английский, в противоположность немецкому, развился в том же направлении, что болгарский и романские языки, но пошел дальше, т. е. в нем сильному разрушению подверглась не только именная система, но и глагольная. Факты, подобные приведенным, создают любопытную картину (ср. отмечаемое многими исследователями типологическое сходение болгарского языка с балканскими, принадлежащими к разным языковым семьям). Черты сходства и различия можно обнаружить не только в языках одной семьи или подгруппы, но и в неродственных языках.

Как индоевропейец, интересующийся историей развития славянских языков с самой ранней эпохи, я позволю себе здесь обратиться к выявлению некоторых общих линий их типологии в широких временных и пространственных рамках индоевропейской семьи. Подчеркну прежде всего, что генетический подход глубоко отличен от типологического и что их не следует смешивать. Так, историческое объяснение общих черт в славян-

ском и балтийском, не всегда общих для всех этих языков, типологично не интересуем. Я затрагивал эти вопросы в моей статье, на которую уже ссылался [4] и в которой я рассматривал точки зрения А. Мейе, В. Георгиева, В. Порцига, А. Зенна, О. Семереньи и др.; много данных можно найти в работе Х. Бирнбаума [5]. Независимо от того, являются ли выявленные языковые черты главными или второстепенными (их нередко находят в германских и даже иранских языках), непременно обнаруживается типологическая основа, общая для обоих ареалов. Именно эти факты нас здесь и интересуют. При описании следует строго придерживаться изложения фактов без стремления к обобщениям, не поддающимся доказательству. Современное состояние типологических исследований исключает всякий догматизм при рассмотрении взаимосвязей между разными сторонами типологии одного языка или группы языков.

Для краткости остановимся лишь на двух сторонах — «артикуляциях», по выражению А. Мартине, — звуковой и смысловой. Нет сомнения, что фонологическая система славянского обладает своими четко выраженными особенностями. Однако едва ли есть возможность определить, каковы ее связи с морфологической системой. Действительно, фонологическая система, общая по основным признакам для славянского в целом, оказывается в равной мере возможной при такой развитой и живой именной флексии, как русская, и такой максимально редуцированной, как болгарская. Эта система может включать очень богатую парадигму прошедших и будущих времен в болгарском и одновременно — в других языках — такую глагольную парадигму, в которой претерит сведен к «перфекту» (сложное время), а будущее предстает как простое настоящее.

Сказанное не мешает нам в ряде случаев установить отношения взаимной зависимости между определенными фактами звуковой и смысловой систем и даже между разными сторонами последней. Так, в болгарском взаимозависимость между явлениями утраты склонения и развития системы предлогов, а также тенденция к установлению твердого порядка слов очевидны. В качестве параллели можно назвать аналогичные процессы в старофранцузском. Обратимся еще к одному примеру: отношение между идентичной системой окончаний презенса и претерита и четкой структуральной системы оппозиций основ презенса и претерита в балтийских языках. Мы будем придерживаться следующей процедуры: сначала опишем языковую систему как более или менее отчетливую совокупность подсистем, а затем сравним ее на основании полученных данных с системами других языков. Именно так мы приходим к понятию «типа», учитывая, что типы вовсе не являются простыми и ограниченными по числу. Напротив, в них обнаруживается целый ряд отклонений, подобно тем, о которых мы упоминали выше. Колебания или наложения (*overlappings*) имеют место в языках разных типов, принадлежащих иногда к отдаленным ветвям одного и того же генеалогического древа. Они встречаются и среди языков, которые исторически восходят один к другому. Возвращаясь к индоевропейскому, мы можем обнаружить во флективных II и III фазах следы I фазы, дофлективной: несклоняемые формы первого компонента сложных слов, формы с нулевыми окончаниями, позднее вошедшие в парадигмы, и т. п. В индоевропейском III (флективном и политематическом) выявляются следы II фазы (монотематической): глаголы, спрягающиеся с одной основой (греч. *eimí* и *phēmí*), основы I и II балтийского и славянского, сохраняющие идентичные формы или подвергшиеся вторичной дифференциации в результате фонетических процессов (примеры см. в [6]). Воссоздать систему языка и составить его типологическую характеристику, видимо, легче путем частичных приближений, чем на основе полного и исчерпывающего определения, которое, по нашему мнению, мы еще не в состоянии предложить. Можно не только последовательно выявить различные фонетические и морфосинтаксические черты и дать характеристику их отношений, но и провести исторический анализ сменявшихся друг друга систем, что позволит показать, в какой степени эволюция ведет к появлению типологически сходных черт в структурно различных языках. Наконец, мы можем отвлечься от истории и сравнивать эти типоло-

гии с более или менее близкими типологиями отдаленных языков, с учетом или без учета генетических отношений. При этом совершенно не важно, идет ли речь просто о фактах параллельного развития из близких исходных точек или о взаимном влиянии в контактирующих языках (например, балканских).

Поскольку предлагаемая статья касается индоевропейского, славянского и болгарского, нам представляется необходимым использование метода последовательного сопоставления стадий развития некогда единой языковой давности. Речь идет о различных и, так сказать, произвольных отрезках на оси времени. Нас интересует прежде всего исследование отдельных срезов, а затем уже — последовательных переходов от одних из них к другим. Добавим, что в рамках нашего изложения нас будет интересовать главным образом морфосинтаксический аспект. Хотя примеров будет приведено немного, они имеют большое значение для понимания нашей концепции. Фонологии в статье отводится лишь вспомогательная роль.

Не буду пытаться доказывать здесь свои положения относительно развития индоевропейского и места, которое в этом развитии занимают балтийские и славянские языки, особенно последние [6—14]. Мне хотелось бы лишь указать на существование балто-славянского «типологического ядра» (поуаи tyrologique) общей основы (каково бы ни было историческое объяснение этой общности черт в рамках индоевропейского III-b). Речь идет о тематической флективной структуре индоевропейского, в котором число глагольных основ было сведено к двум и которому не были известны определенные инновации индоевропейского III-a или индийско-греческого.

Я настаивал когда-то на том, что индоевропейский III-b ведет свое происхождение от племени или группы племен, которые переместились из-за Урала к западу (тохарский — к востоку) несколько позже, чем племена более южные, которые также перемещались к западу вдоль побережья Черного моря и дошли до южных отрогов Карпат на Балканском полуострове. Балты и славяне составляли «арьергарды» северной группы, которая подвергалась различным влияниям, т. к. находилась в контакте с южной группой народов, впоследствии получивших название фрако-фригийцев, македонцев, греков. Примерно со второго тысячелетия до н. э., т. е. со времени своего появления на Балканах и в Греции, балты и славяне оказались в контакте с предками индоиранцев. Это отразилось прежде всего в фонетике (ср. явления типа сатемности) и в лексике. В то же время, как известно, нельзя не учитывать взаимное влияние балтов и славян и контакты тех и других с германцами.

Если сравнивать славянский и балтийский, обнаруживается целый ряд поразительных совпадений, объяснимых исторически. Эти совпадения в совокупности и дают то, что мы назвали общим «типологическим ядром». Частично сохраняясь и частично изменяясь в каждой из двух указанных ветвей языков, это ядро становится составной частью данных языковых систем. Именно типологическое «ядро» оказалось местом столкновения, наложения и взаимодействия этих систем. При этом происходят сдвиги и в других и.-е. языках: речь идет прежде всего о языках типа III-b, а в некоторых отношениях — о языках типа III-a и даже типа II (анатолийского). Последнее не должно нас удивлять, если мы вспомним о том, что архаизм может проявиться и в области неархаичной. И, действительно, такие особенности, как политематическая флексия, слияние (частичное) глагольных окончаний 2-го и 3-го л. ед. числа, отсутствие основы перфекта, которая восходила бы к одному и тому же корню, а также отсутствие конъюнктива, залоговой оппозиции и т. д., являются, по нашему мнению, архаичными для анатолийского и балто-славянского.

Рассмотрим теперь некоторые из основных особенностей балто-славянской системы. Последний термин мы используем в очень широком значении, т. е. допускаем, что соответствующие черты могут отсутствовать в том или другом из обоих ареалов или быть обнаружены в языках неблизкородственных (германских, например). Конечно, термины «общевалтий-

ский» и «общеславянский» тоже неопределенны (последний вовсе не является эквивалентом того, что называют древнеболгарским или церковнославянским). Это известно каждому компаративисту и становится еще более очевидным, когда речь заходит о типологии. Укажем только, что некоторые черты проявляются иногда либо в одном из двух ареалов (балтийском или славянском), либо в обеих ветвях одновременно, другие же в них или превалируют, или отсутствуют вовсе.

Для меня безразлично, являются ли черты, о которых мы будем говорить ниже, общими для других языковых ветвей, например, греческой, иранской, германской, или это архаические элементы индоевропейского III, инновации или просто факты параллельного развития. В этой связи сошлюсь на библиографию, приводимую Х. Бирнбаумом [5] и Ф. Френкелем [15]. Как бы то ни было, в индоевропейском III выделяется балтославянский языковой тип, характеризующийся определенным числом признаков. Это прежде всего более или менее общая фонологическая система, характерные особенности которой следующие: сохранение (за частными исключениями) количественных различий в вокализме, смешение *ā* и *ō*, с одной стороны, *ā* и *ō* — с другой (конечные результаты, правда, различны), тенденция к упрощению дифтонгов; сохранение свободного с точки зрения локализации ударения, а также музыкальное ударение (в славянском наблюдаются многочисленные исключения); отсутствие смычных аспирированных и наличие сложной системы целевых и аспирированных типа сатем; вокализация сонантов принимает формы, которые в значительной степени совпадают (ср. особую реализацию индоевропейского *s* после *i*, *u*, *r*, *k*). Все это либо совпадает с общими тенденциями развития индоевропейского, либо с тенденциями ряда языков сатем, или западных языков, либо, наконец, иногда просто обусловлено архаизмами.

Если обратиться к системе имени (существительного, прилагательного и местоимения), то станет очевидно, что и здесь общие черты многочисленны. К ним относятся: наличие в балтийском и общеславянском (и даже в некоторых современных славянских языках, русском, например) сложной семипадежной системы склонения при полном слиянии форм генитива и аблатива. По традиционным воззрениям это — архаизм. С моей точки зрения и в соответствии с мнением моего ученика Ф. Вильяра [16] это, скорее, факт развития (независимого или проходившего под индоиранским влиянием). Речь идет о более древней стадии, отличавшейся редукцией флексии. Во всяком случае данная общность балтийского и славянского бесспорна, и, если отнести ее к наиболее архаичной фазе существования последнего, то совпадение становится еще более поразительным, особенно в области структуры склонения. Отметим, наконец, и такое совпадение, как окончание *-t* косвенных падежей.

Далее мы наблюдаем тенденцию к обособлению прилагательного от имени, в противоположность тому, что отличало индоевропейский. Эта тенденция реализуется путем создания определенной формы прилагательного; к тому же типы компаратива, сформировавшиеся в обеих ветвях языков, близки. Прилагательное стремится обособиться от причастия, в том числе от причастия настоящего времени. Общие черты наблюдаются также в склонении местоимений: тенденция к снятию гетероклизии (разносклоняемости), например, в номинативе 1-го л. мн. числа и в указательных местоимениях с основой на *to-*, выравнивание форм косвенных падежей во мн. числе местоимений, обозначающих пол, и т.д. Таким образом, перед нами богатое формами склонение имен существительных, прилагательных и местоимений, четко выраженная тенденция к формальному их разграничению.

Значительно более существенные факты отмечаются, однако, в глаголе. Черты общности здесь весьма убедительны: это — наличие политематического спряжения, отсутствие оппозиции «активный — средний залог» (пассив отсутствует); слабое развитие конъюнктива и опатива (последний элиминируется как таковой). Перфект как независимая основа не выделен, оппозиция 2-го и 3-го л. ед. числа, как и первичных и вторичных окончаний, не установилась. В отношении последних признаков

между балтийским и славянским отмечаются, конечно, и существенные различия, но в целом это — две близкие системы. Глагол обладает двумя основами, которые соотносятся одна с другой: это могут быть основы, первоначально составлявшие единую, позднее «расщепившуюся», или две основы, различающиеся своим вокализмом и суффиксом. Я подробно описал в [17] наиболее важные особенности славянской системы, где, как известно, ко второй основе (основе образования аориста и инфинитива в отличие от первой основы, образующей настоящее время) прибавляется иногда характерный элемент аориста или имперфекта. В этих основах широко используются элементы ларингального происхождения *-i-*, *-a-*, *-e-*, *-u-*, которые впоследствии стали выражать разные значения способа действия (статива, итератива и др.) или получили отыменный характер. В балтийском и славянском наблюдаются элементы общности развития видовой системы (во всяком случае в отношении начальной стадии).

Близость рассматриваемых групп языков была еще большей до тех пор, пока балтийский сохранил сигматический аорист. Отражение этого состояния мы находим в следующих категориях: сигматический футурум (следы его сохранились, по крайней мере, в славянском), более или менее сходные сложные формы имперфекта, инфинитив и др. Таков кратко перечень признаков, составивших в сумме языковой тип, общий для балтийского и славянского, т. е. вполне индоевропейский языковой тип, в котором лучше сохраняется морфология, чем фонология, но отсутствуют некоторые категории индоевропейского, где обнаруживается тенденция к формальному разграничению имени существительного и прилагательного (и, разумеется, местоимения) и к созданию системы спряжения презенс/претеритум, что дополняется взаимно связанными категориями вида и способа действия, а также другими формами, восходящими к претериту. Были представлены индикативное наклонение и недифференцированный залог, а кроме того формы императива, инфинитива и нескольких причастий.

Итак, именно описанный языковой тип мы считаем ядерным для балтийского и славянского, хотя и та и другая ветви изменили его или дополнили в результате различных процессов развития или утрат. Остановимся подробнее на славянском.

Можно различать, с одной стороны, общеславянский в том значении, которое мы придавали этому термину выше, а с другой — более или менее общие элементы развития славянских языков, которые в дальнейшем легли в основу различных славянских языков и диалектных групп. Типология славянского, на которой я хочу остановиться, будет, таким образом, более или менее общей, в зависимости от подхода: иногда речь пойдет о тенденциях, которые не всюду реализовались, иногда же мы будем говорить о более поздних изменениях, присущих реальным славянским языкам, в отличие от общеславянского¹.

Итак, именно в фонологии балто-славянская система находит отражение в славянском в наибольшей степени: прежде всего в виде компактной и реализованной системы и вместе с тем в виде тенденций, которые достигли кульминаций в некоторых более или менее широких областях и в более или менее позднюю эпоху.

Вокалическая система общеславянского отличается компактностью и стройностью, она охватывает гласные долгие, краткие, сверхкраткие (еры), носовые, причем все они выстраиваются в ряды темных или твердых, светлых или мягких. В качестве особенности этой системы можно рассмотреть количественные характеристики к качеству гласных, бедность дифтонгами (частично сохранившуюся в балтийском), открытые гласные и т. д. Сопутствующие признаки определяют консонантизм (ср. наличие рядов твердых и мягких согласных и др.). Та же стройность отличает фонологическую систему и в развитии, отражая ряд тенденций, к которым относятся: утрата количественного различия между краткими и долгими

¹ Мы используем только непосредственно интересующие нас данные, содержащиеся в исторических и описательных грамматиках [18—25] или в общих работах, в том числе М. Брауна и Р. Якобсона.

гласными, утрата носовых гласных, перестановка плавных, чередование групп *tj*, *dj*, редукция безударных гласных, развитие слоговых плавных, утрата свободного и музыкального ударения и т. д. Перечисленные факты и некоторые другие не отмечаются в некоторых ареалах или реализовались в них по-разному, способствуя установлению границ разных диалектных областей.

В морфосинтаксисе следовало бы различать три категории явлений: а) свойственные общеславянскому, б) общие для всех позднейших славянских языков, в) общие для отдельных языков или для их диалектных ареалов. Общеславянские черты могут отсутствовать, могут появляться и развиваться, нередко на диалектном уровне, а в ряде случаев становятся отправной точкой в развитии нового типа, частично накладывающегося на прежний. Ограничиваясь некоторыми общими чертами, останемся на четырех из них. Все четыре принадлежат к числу типологических черт, общих для балто-славянского, но либо вовсе не отражают развитие балтийского, либо отражают его в слабой степени и, следовательно, характерны именно для славянского.

1) Замена (частичная) оппозиции родов оппозицией «одушевленность — неодушевленность». Известно, что форма генитива употребляется вместо аккузатива при одушевленных именах мужского рода и что это употребление распространилось на одушевленные имена вообще, а в некоторых языках — и на местоимение.

Факт неразличения родов во множественном числе существительных и прилагательных в русском и болгарском относится сюда же; так же обстоит дело с тенденцией к развитию нового личного рода в болгарском и некоторых западных языках. Примечательно, что одновременно в славянских языках проявляется тенденция к упрощению и объединению именных парадигм в соответствии с родовым типом. Новая и старая категории перекрещиваются точно так, как прежняя форма множественного числа перекрещивается с формой числа, которая развивается на базе старого коллективного.

2) Дифференциация прилагательных и тенденция к утрате неопределенного прилагательного. Здесь мы подходим к фактам, которые отражают период после общеславянского. Несмотря на наблюдаемую дифференциацию прилагательных — сербохорватский и словенский сохраняют обе формы прилагательных — неопределенные прилагательные сокращают свое употребление (ограниченное предикативными конструкциями); наблюдается распространение окончаний определенных прилагательных, неопределенные же позднее становятся несклоняемыми.

3) Развитие видовой системы. На базе индоевропейских средств (специальные значения составных глаголов, употребление некоторых суффиксов) славянские языки развили сложную видовую систему, в которой каждой форме совершенного вида соответствует форма несовершенного и, наоборот, при помощи различных морфологических средств реализуется оппозиция «совершенный вид — несовершенный вид». Эта система в основном представлена уже в общеславянском. Здесь она более сложна, поскольку оппозиция «совершенство — несовершенство» накладывается на оппозицию «аорист — имперфект» (аорист обычно перфективный, имперфект — имперфективный), а также на оппозицию времен (в презенсе и претерите). Эта видовая система и ее пересечение с временной системой, включая будущее время, наряду с некоторыми фонологическими чертами и сохранившимся общим характером индоевропейского архаизма являются особенностью славянского.

Глагольная система, естественно, имеет тенденцию к изменению, в частности, к сокращению: некоторые языки лишаются аориста и имперфекта, другие развивают нейтральные видовые формы типа перфекта, третьи, напротив, переносят видовую оппозицию в будущее время, создавая здесь формы, реализующие противопоставление по категории вида.

4) Новая система перифрастического спряжения. Наряду с формами, унаследованными от предшествующих эпох, славянский развил перифрастические формы, которые сосуществуют с первыми или заменяют их:

ретроспектив или перфект, три предпрошедших, кондиционал, имперфективный футурум (эти формы неодинаково представлены в конкретных языках). В одних случаях речь идет о пополнении старой славянской системы, в других — о стремлении отойти от нее путем создания форм, не связанных с категорией вида, в третьих, наконец, о создании новых категорий (кондиционала и ретроспектива).

В отличие от архаического индоевропейского, еще лишенного многих категорий и форм, славянский создал развернутую систему, включающую именное склонение с формально выделенным прилагательным, оформил подчинение времен плана прошедшего второй основе, которая находится в строго определенных отношениях с первой. Иными словами, к категориям, унаследованным от языка-источника, славянский прибавил новые, которые в зародыше уже были представлены в индоевропейском на самых древних стадиях его развития (категории одушевленности, внутренняя характеристика действия и т. п.). Одновременно усовершенствовалась его прежняя система: появились новые перифрастические формы времени и наклонения, новые категории (например, ретроспектив) и т. д.

Славянский, как и балтийский, это — архаическое наследие индоевропейского III-b; он представлен языками северных племен, которые поселились на Восточноевропейской равнине и в дальнейшем вступали в разносторонние контакты, подвергаясь разнообразным влияниям. В результате в славянском были созданы строгие фонологическая и морфосинтаксическая системы, которые особым образом организуют исконные, часто архаические, элементы, направляя их развитие так, что найти им аналогии трудно. При этом конкретные славянские языки развили эту систему в разных направлениях. Наиболее своеобразные преобразования находим в южнославянском, особенно в болгарском, т. е. в языке народов, которые в VI в. перешли Карпаты и к югу от них вступили в контакт с византийцами, румынами, венграми. В результате в фонологии можно выделить ряд черт, которые характеризуют этот субкарпатский славянский [26]. Здесь мы встречаемся как с архаизмами (сохранение количественных различий, музыкального ударения в сербохорватском и под.), так и с инновациями (удлинение плавных при метатезах и пр.). Но значительно более своеобразны и потому интересны морфосинтаксические характеристики, особенно в болгарском. По сравнению с индоевропейским консерватизмом балто-славянского и общеславянского, болгарская группа выделяется своеобразным развитием имени и глагола: существительное здесь утратило склонение, сохранив лишь форму косвенного падежа для имен мужского рода с определенным артиклем. Так же обстоит дело с прилагательным. Весьма редуцировано склонение и в местоимении. Что же касается глагола, то только болгарский, македонский и сербохорватский сохранили аорист и имперфект наряду с новым перфектом. Более того, как никакой другой славянский язык, болгарский развивает систему перифрастического спряжения. Возникает, таким образом, асимметрия: Р. Якобсон отмечает, что если в старославянском было 236 форм в парадигме простого имперфективного глагола, то в среднем и современном болгарском их число увеличилось за счет развития системы сложных времен, при помощи которой возникла возможность противопоставлять прямую речь косвенной [27]. В современном болгарском отношении «глагол — имя» опирается на глагол или, точнее, на богатейшую систему предлогов. Неслучайно мы сравнивали болгарский с романскими языками. Это сравнение становится еще более оправданным, если вспомнить о категории определенного артикля, восходящего к старому постпозитивному демонстративу *tā*. Болгарский из всех славянских языков наиболее близок к романским языкам по последовательному сокращению исходных типов презенса (во всех этих случаях речь идет, конечно, о фактах более или менее параллельного развития индоевропейских языков типа III-b, обладавших богатой флексией в имени и несколько упрощенной — в глаголе). Впрочем, не следует и преувеличивать степени сходства: некоторые фундаментальные черты балто-славянского языкового типа, о которых мы упоминали выше, отсутствуют в романских языках. Их отличают именно те черты, которые связывают сла-

вянский с балканскими языками. Так, если определенный артикль является общим для болгарского и для романских языков (а также германских), именно в одном из балканских языков, румынском, находит параллель его постпозитивное образование. Именно в балканских языках обнаруживается столь несвойственная романским языкам особенность, как отсутствие инфинитива.

Итак, славянский дает широкие возможности типологической реконструкции. При этом болгарский является прекрасной «точкой отсчета» для оценки возможностей такой реконструкции последовательно сменявшихся друг друга типов — индоевропейского, балто-славянского, общеславянского. Иные возможности были использованы такими языками, как русский или польский. Славянский — прекрасный пример богатства типологических изменений и перестройки системы, восходящей к индоевропейскому.

Перевела с французского *Лухт Л. И.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Adrados Fr. R.* Les langues slaves dans le contexte des langues indoeuropéennes.— In: Съпоставително езикознание, 1980, 5.
2. *Adrados Fr. R.* Arqueología y diferenciación del Indoeuropeo.— Emerita, 1979, v. 47, p. 235—237.
3. *Adrados Fr. R.* Indo-European s-stems and the origins of polythematic verbal inflection.— IF, 1981, v. 86.
4. *Adrados Fr. R.* The archaic structure of Hittite: the crux of the problem.— Journal of Indo-European studies, 1982, 11.
5. *Birnbaum H.* Common Slavic. Columbus (Ohio), 1979.
6. *Adrados Fr. R.* Evolution y estructura del verbo indoeuropeo. Madrid, 1974.
7. *Adrados Fr. R.* Lingüística indoeuropea. Madrid, 1975.
8. *Adrados Fr. R.* Der Ursprung der grammatischen Kategorien des Indoeuropäischen.— In: Akten der VII Fachtagung für indogermanische Sprachwissenschaft. Wiesbaden (в печати).
9. *Adrados Fr. R.* Archaïsms in Anatolian nominal inflexion.— In: In honor of Prof. B. Schwarz. New York (в печати).
10. *Adrados Fr. R.* De donde proceden las desinencias indoeuropeas de Dat.— Loc. sg.?— In: Festschrift für E. C. Polomé (в печати).
11. *Adrados Fr. R.* Binary and multiple oppositions in the history of Indo-European.— In: In honor of H. M. Hoenigswald. Philadelphia (в печати).
12. *Adrados Fr. R.* Anaptyxis and the historical grammar of Indoeuropean.— In: Diachronica. Ottawa (в печати).
13. *Adrados Fr. R.* La flexion nominale du Grec et de l'Indoeuropéen III à la lumière de l'Anatolien.— In: Actes du Colloque Benveniste. Tours (в печати).
14. *Adrados Fr. R.* Ideas on the typology of Proto-Indo-European.— Journal of Indo-European studies (в печати).
15. *Fränk el E.* Die baltischen Sprachen. Heidelberg, 1950, S. 73 ff.
16. *Villar F.* Origen de la flexion nominal indoeuropea. Madrid, 1974.
17. *Adrado Fr. R.* Evolution y estructura del verbo indoeuropeo. Madrid, 1974, p. 312, 355, 381.
18. *Vondrak W.* Vergleichende slavische Grammatik. Göttingen, 1906—1908.
19. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1960—1974.
20. *Bräuer H.* Slavische Sprachwissenschaft. Berlin, 1961.
21. *Arumaa P.* Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. Bd. I—II. Heidelberg, 1964—1976.
22. *Meillet A.* Le slave commun. Paris, 1924.
23. *Vaillant A.* Manuel du vieux slave. Paris, 1964.
24. *Lunt H. G.* Old Church Slavonic grammar. 5-th ed. Oxford, 1968.
25. *Bray R. G.* A guide to the Slavonic languages. London — New York, 1969.
26. *Braun M.* Grundzüge der slavischen Sprachen. Göttingen, 1947.
27. *Jakobson R.* Slavic languages. New York, 1955, p. 20.